

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 1
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 821.161. (Шолохов М.А.).
ББК 83.3 (2рос=Рус) 6-4
DOI 10.18522/1995-0640-2021-2-39-53

СЕМАНТИЧЕСКОЕ БОГАТСТВО УЛЫБКИ ПЕРСОНАЖА В РОМАНЕ М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Н.А. Дворяшина

Сургутский государственный педагогический университет,
г. Сургут, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению роли улыбки в создании образов персонажей романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», раскрытии их психологического состояния. В ходе исследования выявлено, что одним из важных и самобытных приемов в характеристике этого невербального жеста является его метафорическое описание. Его анализ позволил автору статьи прийти к следующим результатам: 1) чаще всего Шолохов использует такие разновидности этого средства выразительности, как метафоры света, температуры, движения, отражающие не только душевные переживания героев, но и сущностные черты их характеров; 2) близкие по семантике слова в характеристике улыбки отличаются разнообразием значений в передаче испытываемых персонажами чувств; 3) в стиле писателя преобладает динамическая форма передачи этой портретной детали: улыбка воздействует на других, живет «самостоятельной» жизнью, физически преображает внешний облик ее носителя, подчиняется его волевым решениям; 4) она является не только средством выражения психологического состояния человека, но и способом отражения взаимодействия его внутреннего мира с окружающей действительностью; 5) этот мимический жест отличается у Шолохова особой эмоциональной выразительностью, образной самобытностью. Результаты исследования важны для осмысления новаторства писателя в художественном познании личности человека, углубленного постижения его творческой индивидуальности.

Ключевые слова: Шолохов, «Тихий Дон», персонаж, мимический жест, улыбка, метафора, эмоции, семантика.

Введение

Исследуя характер и формы выражения эмоций у человека и животных, Чарльз Дарвин пришел к заключению: «Способность членов одного и того же племени общаться между собой при помощи языка играла первостепенную роль в развитии человека, а *выразительные движения лица и тела оказывали в этом отношении большую помощь языку*» [Дарвин, 2001, с. 335; здесь и далее в цитатах выделено нами, кроме специально оговоренных случаев. – Н.Д.]. Однако анализ произведений художников слова позволяет заметить и другое: невербальные средства выразительности – жесты, мимика – не только дополняют, оттеняют

языковые способы общения людей, но по силе своего эмоционального воздействия нередко оказываются ярче, сильнее, богаче их. Мастером в передаче душевной жизни своих героев через их невербальное поведение был М.А. Шолохов. Исследователи его творчества давно обратили на это внимание. Так, С.Г. Семенова справедливо указывала на то, что в произведениях автора «Тихого Дона» «всё – плотно, материализовано: переживание, чувства, импульс, мысль читаются в чертах лица, в телесном облике, в непосредственной реакции – без прямого душевного обнажения» [Семенова, 2005, с. 84]. Она же подчеркивала, что «для шолоховских героев показания реактивной телесной пластики могут быть невольно глубже, *информативнее* того, что человек говорит и обещает» (курсив автора. – Н.Д.) [Семенова, 2005, с. 85].

Особую роль в раскрытии чувств героев Шолохова, в частности, персонажей романа «Тихий Дон», играет изображение такого мимического жеста, как улыбка. Этот насыщенный эмоциональным содержанием элемент «молчаливого» языка переживаний отличается у писателя многообразием типов, семантическое богатство которых позволяет ему не только воссоздать индивидуальные черты отдельного персонажа, но и передать особенности душевной организации всего народа, убедительно раскрыть психологическое состояние этнической общности в различных жизненных обстоятельствах.

К осмыслению роли улыбки, анализу ее словесных выражений в произведениях Шолохова ученые начали обращаться лишь в последние годы. Предметом специального внимания эта проблема стала в работах профессора Л.Б. Савенковой и ее ученицы К.С. Максюты [Савенкова, Максюта, 2015; Максюта, 2015, 2017], в которых улыбка рассматривается как средство создания психологического портрета персонажа, «как самостоятельный объект внимания наблюдателя в романе М.А. Шолохова “Поднятая целина», в его языковых номинациях в том числе [Максюта, 2017, с. 216]. Нами также были выделены некоторые аспекты в характеристике этого невербального знака у персонажей Шолохова на основе анализа романа «Тихий Дон», в частности, отмечены его *физические признаки*, в процессе осмысления которых было выявлено, что в их отражении особое значение имеет сама *форма улыбки*, а также изображение *рта, зубов, усов, глаз, бровей*, участвующих в ее «производстве». Важными для писателя в оценке жеста, об этом тоже сказано в нашей работе, являются и указания на его интенсивность, длительность, степень изменчивости и черты, связанные с возрастными особенностями человека [Дворяшина, 2019, с. 23 – 35].

По нашему мнению, в исследовании этого вопроса остается еще немало белых пятен. Его изучение поможет составить более полное представление о мастерстве шолоховского изображения эмоциональной жизни человека, проявления ее в такой экспрессивной форме выражения, как улыбка, богатой своими типами, функцией и семантикой. Одновременно с этим появляется возможность углубленного изучения творческой индивидуальности писателя, постижения уникальности его

художественного мира. Все это позволяет говорить об **актуальности** заявленной темы. Отметим, что в процессе исследования этого мимического жеста мы используем некоторые, на наш взгляд, обоснованные положения классификации «атрибутивных сочетаний со словом улыбка», которая предложена специалистом по невербальной семиотике Г.Е. Крейдлиным [Крейдлин, 2004, с. 356 – 367]. Определив несколько типов улыбок по их основным признакам, ученый справедливо выделил и тот, в котором *«применительно к улыбке используется целый ряд метафор»* [Там же, с. 365]. В творчестве Шолохова *метафорическое описание* улыбки – достаточно распространенный прием, отличающийся своей самобытностью, неожиданными стилистическими находками, творческими открытиями.

Цель данного исследования – анализ и осмысление метафорической разновидности улыбок, способствующих раскрытию внутреннего мира героев романа «Тихий Дон». Для достижения ее решается целый ряд **задач**: выявление всех примеров использования писателем описаний такого типа, их классификация по основным признакам, постижение смысловой насыщенности в каждом конкретном случае, особенностей языкового мастерства Шолохова в их передаче.

Материалы и методы. Материалом исследования является роман М.А. Шолохова «Тихий Дон». Методологически статья базируется на комплексном подходе, включающем использование историко-литературного, сравнительно-типологического, структурно-семантического методов.

Исследование и его результаты

Не секрет, что в мире существует мнение о неулыбчивости русских людей. Это отмечено в ряде работ наших ученых с одновременной попыткой объяснить такое заключение [Сергеева, 2004, Прохоров, Стернин, 2006]. Изучение проблемы позволило авторам выявить **своеобразное** отношение русского человека к этому мимическому жесту. У него для улыбки должны быть веские основания – серьезный повод или существенная причина. Не зря же столь устойчивы в обиходе нашего народа такие пословицы, как «Смешно дураку, что рот на боку», «Шутить шути, да людей не муди», «Набьет улыбка оскомину» и другие. Не случайно и то, что явно легковесное отношение к улыбке, наблюдаемое в поведении других народов, становится поводом для иронических насмешек со стороны российских юмористов. Так, искусственную улыбку американцев М. Задорнов назвал в свое время «хронической», а М. Жванецкий заметил, что они «улыбаются, как будто включены в сеть» [Прохоров, Стернин, 2006, с. 83]. Русский же человек не признает «дежурную» улыбку, «улыбку-вывеску». Она у него всегда – проявление определенных чувств, переживаний, эмоций, т. е. «художественный эквивалент психологическому состоянию персонажа» [Костин, 2020, с. 446]. Произведения М.А. Шолохова – убедительное тому свидетельство.

По словам О.Э. Мандельштама, «только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть – сравнение» [Мандельштам, 1987, с. 161]. Вот и у Шолохова, благодаря метафорическим описаниям улыбки – этим скрытым сравнениям, признаки ее приобретают особую экспрессивность, обнажая в образе его «внутреннюю природу». В изображении улыбки автор «Тихого Дона» использует разные виды метафор. Одна из них – это *метафора света*. Она неоднородна по своей семантике. В одних случаях световое начало служит признаком подлинной радости, несет в себе положительные коннотации. В других – может приобретать негативные смысл и оценку. Но возможна и контаминация этих смыслов в изображении одного персонажа. При этом Шолохов, как правило, акцентирует внимание на динамике образа, что является характерной чертой его стиля. Ему важны не прилагательные с их традиционным значением по отношению к улыбке (светлая, сияющая, солнечная и др.), а глагольные и отглагольные формы передачи ее особенностей. Таковым, например, является глагол *«блеснуть»*. В словаре В.И. Даля дано такое его толкование: «Блестеть, блеснуть – источать, либо отражать яркий свет» [Даль, 2000, с. 236]. Эта портретная деталь, в частности, отмечена писателем в изображении работника моховской паровой мельницы, «молодого белозубого парня» Давыдки [Шолохов, 2018, т. 1, с. 105; далее ссылки на это издание даются в статье с указанием номера тома и страницы]. Улыбка – характерная примета его облика, Шолохов подчеркнет ее следующим замечанием: *«вечно улыбающийся»* (I, с. 105). Он, действительно, молод, силен, здоров, весел, открыт в проявлении своих чувств. В эпизоде стычки гимназиста Владимира Мохова с Давыдкой писатель несколько раз укажет на этот, изменяющийся в ходе разговора мимический жест персонажа: *«злобно усмехнулся»*, *«улыбнулся»*, *«беззлобно и весело улыбался»*, губы его *«жалко и принужденно улыбались»*. Его *«жалкую улыбку»* заметит и хозяйский наследник, а, уходя с мельничного двора, увидит *«прежнюю белозубую Давыдкину улыбку»* и, уже вернувшись домой, вновь вспомнит *«слепящую Давыдкину улыбку»* (I, с. 105 – 107). Многократный повтор детали, на первый взгляд, отражает богатство эмоций героя. В ней можно «прочитать» и его бесшабашность, юношескую дерзость, стремление быть независимым, и некий протест, даже злобу против чистенького сына хозяина. Но вместе с тем в его постоянной улыбке, обнажающей *«полон рот кипенных зубов»* (II, с. 122), ощущаются определенная навязчивость, вызывающая раздражение пустопорожность и даже глуповатость. Образ *слепящей улыбки* парня возникнет и в следующем эпизоде: в момент реакции Мишки Кошевого на «промасленную тетрадь» со стихами Некрасова. Здесь смеются все: и Христоня, и сам Штокман, и другие его гости. О Давыдке же будет сказано: *«ослепительно блеснул улыбкой...»* (I, с. 143). Писатель вновь акцентирует внимание на яркой по своей световой интенсивности детали, а метафорический глагол *«блеснул»* усиливает ее образный смысл. Эта особенность портрета героя получит свое объяснение. В девятой главе первого тома романа писатель

прямо скажет о нем: «*скалозуб Давыдка*, бивший три месяца баклуши» (I, с. 142). Таким он видится знающим его казакам. Определение содержит прямую оценку сути его натуры. Скалозуб – пустопорожний зубоскал, смеющийся беспричинно. А, как гласит русская пословица, «*скалозубы не бывают любы*». «Смешливый Давыдка» так и канет в неизвестность на страницах романа, сгинет в круговерти Гражданской войны, но образ его останется в читательском сознании в своем противоречивом единстве, отзовется сочувствием к его так и не сложившейся жизни.

Световой улыбкой наделена в «Тихом Доне» и Дарья Мелехова. Ее образ соткан из разных свойств личности. Героиня Шолохова не лишена обаяния в своем жизненном задоре, дерзком, независимом характере. Писатель не раз подчеркнет ее женскую привлекательность: «гибкая и тонкая, как красноталовая хворостинка» (I, с. 90), покажет разнообразие ее эмоций, проявляющихся в том числе и в улыбке, *то догадливой, то насильственной, то конфузливой, то бесстыдной, то «затуманенной ожиданием чего-то»* (I, с. 256), а то «*озорной и лукавой*» (II, с. 472). Но в Дарье немало и цинизма, распушенности, она не прочь «побаловаться» с первым встречным, не испытывая при этом нравственных терзаний. Недаром Наталья, «выдающейся чертой» которой, по справедливому замечанию С.Г. Семеновой, «является ее чистота, как физическая, так и духовная» [Семенова, 2005, с. 106], обливаясь «густым румянцем» от «циничных откровений» родственницы, скажет: «Будет тебе, бессовестная!» (I, с. 319). Есть в шолоховской героине какая-то неуемная жажда жизни, даже жадность к ней, приобретающие в своем жизненном воплощении оттенки порочности. Недаром Григорий Мелехов скажет: «*Это не Дарья, а распрочерт!*» (II, с. 257). Вспомним эпизод ее встречи с Григорием. Оставшись без мужа и недолго погоревав, ищет мелеховская сноха новых связей и утех: «Она подставила Григорию *улыбающиеся* губы и, когда он, шутливым жестом разгладив усы, приблизил к ней лицо, – закрыла глаза. <...>

– Цветешь? – спросил Григорий.

– Как придорожная белена! – прижмурив лучистые глаза, *ослепительно улыбнулась* Дарья. И тотчас же подошла к зеркалу поправить выбившиеся из-под платка волосы, прихорошиться» (II, с. 419 – 420),

Световой импульс Дарьиной улыбки – проявление и жизненной силы, крепости, и женской манкости, прельщения, обещание удовольствия. Проще, – это улыбка-приманка, замануха, как говорят в народе. Но в ней одновременно есть и вызов. Она словно прячет за ней свои глубинные переживания, прикрывает их ею. Лишь в редкие минуты ее истинные чувства вырываются на поверхность, и особого качества *улыбка* словно распаивает перед читателем сокровенную сущность ее неординарной женской натуры. Вот сцена ее доверительного разговора с Натальей и откровенного рассказа о своей дурной болезни. Неожиданно искреннее и горькое в устах Дарьи признание приобретает смысл обобщенного итога ее нескладной бабьей доли, жизненной судьбы в целом, благодаря введению автором в коротенькое предисловие к монологу

героини только двух слов, метафорически описывающих движение ее лица: «Дарья *застенчиво улыбнулась*» (II, с. 473) Без этой детали исповедь Дарьи, поражающая бесстрашной правдивостью, не имела бы той завершенной полноты смысла, которая открывается перед потрясенной услышанной Натальей, но и, разумеется, перед читателем:

«Дарья <...> смолкла, сжала руки и, справившись с подступившим к горлу рыданием, заговорила снова, и голос ее стал еще выше и напряженнее:

– Я уж за дорогу и отревела разов несколько... Подошла к хутору, гляжу – ребятишки махонькие купаются в Дону... Ну, поглядела на них, сердце зашлось, и разревелась, как дура. Часа два лежала на песке. Оно и мне нелегко, ежели подумать...» (II, с. 473).

Как многое кроется за этой застенчивой улыбкой героини! Здесь и боль по умершему ребенку – «сердце зашлось», тоска по неосуществленному материнству, сожаление о своей непутевой жизни и прощание с ней. Все утратившая, судит она себя судом, страшнее которого, по ее собственному признанию, не придумать.

Манифестируя богатство эмоций, улыбка персонажа у Шолохова украшает его, притягивает окружающих. Одним этим мимическим жестом запоминается, например, случайно встретившаяся Кошевому знакомая казачка – баба с ведрами: «Мишка поздоровался с ней, и она, *блеснув* из-под разлтых бровей *улыбкой*, спросила...» (I, с. 637). В этом *блеске* отразились и ее задорный характер, и дар «считывания» человека, и все лукавство ее вопроса, ибо поняла она, почему «Михайла» не идет на майдан, и явная насмешка над покидающим хутор парнем, «сматывающим удочки», чтобы не попасть под мобилизацию.

Метафора света использована Шолоховым также при описании улыбки Анны Погудко, в ситуации, когда Илья Бунчук приходит в себя после «бредового беспамятства»: «Анна стремительно пошла к нему, она вся *светилась* скупой, сдержанной *улыбкой*» (I, с. 601). Глагол «*светилась*» передает особое душевное состояние героини, нашедшее свое физическое выражение в ее улыбке, наделенной светлой, сияющей экспрессией. Ее лучистая энергия вызывает ответную признательность любимого человека.

Нельзя не заметить, насколько у Шолохова улыбки персонажей, имеющие метафорические значения, различны по своему смыслу. Писатель находит все новые оттенки в передаче испытываемых его героями чувств. При этом им широко используется прием взаимодействия с улыбкой эмоциональных выражений различных частей лица человека. Например, они могут «*маслить в улыбке* глаза» (I, с. 236), говорить, «*искряться белозубой улыбкой*» (II, с. 9), «миротворить», «*лоснясь улыбкой*» (I, с. 69). Такое описание отражает их психологическое состояние в конкретной жизненной ситуации и углубляет свойства человеческой личности вообще. В своем отрицательном значении по отношению к улыбке выступают у писателя глагол «маслить» и производное от него деэпричастие. В эпизоде бессмысленной расправы над евреем, у которого один

из казаков проходящего через деревню полка стащил часы, выведен образ вахмистра Каргина. Уже убежавшего человека он так «рубанул плетью», что у него «сквозь тонкие пальцы <...> цевкой брызнула кровь» (I, с. 236). Авторскую оценку его поведения вполне определенно передает такое описание: «Вахмистр, *масля в улыбке* круглые, как казенные пуговицы, коршунычьи глаза, ответил...» (I, с. 236). «Маслиться» означает то же, что «лосниться, блестеть» [Ожегов, 1970, с. 331]. Но в этом «блеске» живет отсвет чего-то скользкого, сального, в конечном счете, грязного. Через описание улыбки в облике вахмистра дана оценка не только его отвратительного, недостойного казака поведения, но в сочетании с характеристикой глаз – «как казенные пуговицы» – еще и его человеческой несостоятельности, полного бездушия.

Шолохов, по нашим наблюдениям, практически не использует в изображении улыбки метафоры вкуса, такие как «сладкая» (в характеристике запахов – активно), «горькая» (такими могут быть смех, слезы, любовь, грусть, слова, сжатые губы), но зато нередко обращается к «*метафоре температуры*». С «*горячей улыбкой*» (II, с. 132) вспоминает прошлую жизнь Мирон Коршунов. Она показывает и его возбуждение, и страстность, накал чувств в оценке того, что было дорого, а теперь безвозвратно утрачено. Неоднократно обращает внимание писатель на различные проявления душевного состояния Аксиньи, передавая их, в том числе, и с помощью невербальных средств выразительности. Ее улыбка, в частности, наделена такими свойствами: «*радостная, налитая сбывшимся счастьем*», «*счастливая*» и «*просящая*» одновременно, «*трепетная*», «*дрожащая*», «*легкая удивленная*», «*тихая*». Во всех этих описаниях открывается глубина, искренность переживаний героини. Это мимическое выражение всегда отличается у нее обнаженностью чувств, особой выразительностью. Но в сцене встречи с Григорием (после его возвращения из госпиталя) оно другое: Аксинья «... изредка взглядывала на Григория. На красных губах ее не таяла *замерзшая улыбка*» (I, с. 349). Эпитет «*замерзшая*» – маркер напряженного чувства женщины, которое она не хочет выдать. Улыбка скрывает и ее страх перед Григорием из-за распутной связи с Листницким, и ожидание последствий от ее раскрытия, но выдает и ее замершее от осознания собственной греховности состояние души.

Обратимся еще к одному примеру отмеченного типа метафоры. Повествуя о встрече Кошевого с Валетом, который «заявился в хутор, сопровождаемый порочной славой красновардейца», Шолохов напишет: «Мишка пожал его костлявую ручонку своей провонявшей рыбьей слизью рукой, *тепло улыбнулся*» (I, с. 632). Кошевой – не из числа улыбчивых персонажей романа. Если улыбка и появляется на его губах, то обязательно с каким-то неявно выраженным смыслом: она может быть *потерявшейся* и где-то *блуждающей, таящейся, чуть приметной, язвительной*. Даже в тех случаях, когда он, кажется, готов к ответному доброму душевному движению, она все равно приобретает характер неопределенности. Встретив ехавшего на подводе незнакомого пассажира

и с «великим изумлением» узнав в нем Степана Астахова, считавшегося убитым, «Мишка, – скажет Шолохов, – *зацвел улыбкой*, заерзал, засуетился в седле...» (II, с. 56). Необычная метафора и здесь удивительно точно отражает этот образ. Для русского уха привычно употребление выражения «расцвел в улыбке», буквально означающее стал радостным, просиял, обнажил свои чувства, раскрылся, подобно цветку, распускающему свои бутоны. Зацвел же – начал цвести, начал улыбаться, но при этом так и не раскрыл свои переживания, притушил их и, в конце концов, спрятал. У Кошевого эта, едва обозначившаяся улыбка, кажется, тут же исчезает, снятая следующими его действиями: «заерзал, засуетился...». Живя настороженно, надеясь лишь на себя, Мишка мало кому доверяет. Валета же он встречает, *тепло улыбаясь*, проявляя не только доброе, но и отзывчивое отношение к своему товарищу, она – акт дружелюбия, что писатель и подчеркнет замечанием: «Давняя их паровала дружба» (I, с. 632).

Образованные от прилагательного *теплый* – согретый теплом, его несущий – другие части речи тоже сохраняют в себе это свойство. Описание же улыбок с таким уточнением привносит в них подобное значение, но степень семантической близости их имеет при этом свои нюансы, отражает свой характер переживаемого. В сцене прощания Григория Мелехова с молодой казачкой-жалмеркой, с которой он провел ночь на одном из хуторов, нарисован ее облик, детали которого многое открывают в настроении женщины: «Она наклонила голову, *тепля* в углах тонких, неярко окрашенных губ *улыбку* и невнятную горечь сожаления» (II, с. 25). Деепричастие *тепля* указывает на особую сдержанность, приглушенность чувств «случайной подруги» героя, в которых есть и благодарность за встречу, и грусть от расставания, и тоска от своей горькой бабьей доли, и то, что увидел Григорий вместе с автором, – «невнятная горечь сожаления». Иной смысловой акцент обнаруживается в подобной же характеристике этой портретной детали в образе Елизаветы Моховой. В том, с каким выражением беседовала она с Митькой Коршуновым, интересуясь при этом и его семейным положением, – «*тепля затаенную улыбку*» (I, с. 24), конечно, нельзя не уловить ее лукавство, желание заинтересовать собеседника собой, понравиться ему. Во всем ее поведении очевидно заигрывание с парнем, поддразнивание, провоцирующее и его на соответствующие поступки.

Шолохов в передаче сложного эмоционального состояния своих героев, используя внешне близкие по своей семантике слова в характеристике улыбки, добивается их качественного различия, акцентируя внимание на существенных признаках конкретных чувств.

Особым разнообразием у автора «Тихого Дона» отличаются в создании исследуемого мимического жеста *метафоры движения*. Улыбка у шолоховских героев обладает поразительными способностями жить, что называется, во все стороны, т. е. вызывать самые разные эмоциональные реакции. Прежде всего, она особым образом *воздействует на других*. Вот, например, что испытывал Митька Коршунов от улыбок

Елизаветы Моховой. В первую встречу: «Ее коротенькая, таящая смех *улыбка жиганула Митьку крапивой*» (I, с. 24). Во вторую – произойдет то же самое: «Снова, как тогда, в первый раз, на террасе моховского дома, *улыбка жиганула Митьку крапивным укусом*» (I, с. 110). Слово «*жигануть*» – от глагола *жечь*, согласно словарю В.И. Даля, означает – «палить, предавать огню, заставить гореть; истреблять огнем; <...> производить чувство, подобное ожогу» [Даль, 2000, с. 1334]. У Шолохова – *крапивному ожогу* и даже *укусу*. Здесь налицо контаминация метафор действия и тепла. Причем самой динамикой происшедшего подчеркнута его быстрота, стремительность, мгновенность. Шолохов использует этот глагол и для изображения резкого удара молнии: «*Жиганула белая при дневном свете молния*» (II, с. 338), и для передачи испытываемых человеком чувств: «Еще одна вспышка страха *жиганула* молнией» (II, с. 237). Вот и девушка опалила Митьку своим «огнем», обожгла, призывно и зазывно «укусила». Подбадривая его воркующим и тихим смехом, позвала за собой, соблазнила. Как ни билась потом в его руках, но попала-то в сети, которые сама же сплела и расставила.

Другое значение подобное описание улыбки принимает в портрете Штокмана. Осип Давыдович был наделен даром влияния на людей не только словом, но и самой манерой общения с ними. Вспомним его реакцию на нерешительный вопрос Котлярова: он «...*улыбнулся*, уклончиво пожал плечами. Умел он с такой издевкой улыбнуться, *что улыбка жгла не хуже удара арапником*. Вспотел у Ивана Алексеевича подбородок. Не разжимая зубов, резко сказал...» (II, с. 156). Сравнение с ударом арапника свидетельствует о силе «ожога», его болезненности, а отсюда и степени воздействия на человека. Недаром после нее у председателя ревкома «вспотел подбородок», можно только догадываться, что там произошло с остальными частями тела, да и другие детали говорят о полученной им встряске.

У Антуана де Сент-Экзюпери в «Письме к заложнику» есть такое признание: «Главное чаще всего невесомо. Здесь самое главное как будто бы заключалось в улыбке. Самым главным часто бывает улыбка... *Улыбкой расплачиваются. Улыбкой вознаграждают. Улыбкой возвращают жизнь*. Ради одной улыбки можно пойти на смерть...» [Экзюпери, 1973, с. 348]. Шолоховские герои улыбкой могут дать прямой ответ: «"Славная", – *ответил Григорий глазами и улыбкой*» (I, с. 69.); одарить: «... кланялась свашка, *даря Петра отточенной, с лукавцем, улыбкой*» (I, с. 92); встретить: «У входа *встретила* ее [Аксинью. – Н.Д.] *улыбкой* румяная, в заседе веснушек, Машутка» (I, с. 158); проводить: «Ольга *улыбкой провожала* безмолвно летевших над дорогой грачей, убежавшие назад кусты полынка и донника» (II, с. 50); поощрить: «*Поощренный* его *улыбкой* пленный улыбнулся...» (I, с. 291); поприветствовать: «И Петр Богатырев угадал его, *приветствовал* помахиванием руки, *улыбкой*» (II, с. 293). Удивительное богатство эмоциональной жизни героев романа подчеркнуто и усилено метафорическим описанием.

Улыбка персонажа Шолохова может физически преобразовать его внешний вид, являясь при этом своеобразным сигналом его психологического состояния и способом отражения взаимодействия внутреннего мира человека с окружающей его действительностью. Командующий полком красных Голубов, радуясь боевому успеху и встречая одобрительным приветствием Григория, *«запарился улыбкой»* (I, с. 576). Словарное значение глагола «запарился» хорошо известно: «задохся от жару или от пару в бане», «устал» [Даль, 2000, с. 1328], дошел до изнеможения. Но здесь его смысл приобретает какой-то новый поворот: можно только предположить, что речь, скорее всего, идет об изменениях в лице персонажа: его словно обдало паром, кинуло в жар или *«шибануло»* – есть у Шолохова этот оборот речи: *«... в жар тебя шибает»* (I, с. 427); оно вспыхнуло, покраснело, налилось радостью, идущей от улыбки.

Описание улыбки персонажа может выражаться в романе Шолохова эмоциональным накалом переживаемых чувств, метафорически сопоставимым с физическим движением, предельным по своей жестокости. Вспомним сцену расправы Подтелкова над взятыми в плен офицерами, в частности, его стычку с Чернецовым. Смертельная ненависть переполняет красного командира. И противник не выдерживает ее тяжести и напора. Но ненависть исказила, изуродовала лицо и самого Подтелкова: *«щеки его сабельным ударом располосовала кривая черная улыбка»* (I, с. 578), вылившись в жестокую расправу над пленным: *«со страшной силой рубанул Чернецова по голове»* (I, с. 579). Поразительно, как эта, словно сабельным ударом располосавшая щеки, улыбка реализуется в таком же реальном ударе, сразившем человека.

Душевные движения героев Шолохова по интенсивности своего проявления обладают столь мощным воздействием на мускульную активность лица, что совершенно изменяют их облик. Об этом, например, свидетельствует эпизод встречи Степана Астахова с Аксиньей, живущей в имении Листницких. Аксинья *«глаз не сводила с чужого ей лица, исковерканного униженной улыбкой»* (I, с. 63). Улыбка Степана, бывшая сначала то *«напряженной»*, то несущей отпечаток *«радости и боли»*, потом становится *«униженной»* в такой степени, что, по ощущению героини, *исковеркала, изуродовала* лицо бывшего мужа (I, с. 63). Визуальный образ отражает всю сложность испытываемых Степаном в эти минуты чувств: здесь и слабая надежда на возвращение жены, и неизжитая обида, растоптанное, болезненно переживаемое самолюбие, и осознание собственной слабости, которые он с превеликим трудом пытается скрыть. Шолоховский образ – выразительное подтверждение суждения Виктора Гюго: *«Существует нечто, раскрывающее нашу душу больше, чем лицо наше, – это его выражение; и нечто, раскрывающее ее больше, чем выражение нашего лица, – это наша улыбка»* [Гюго, 1955, с. 96].

На лицах персонажей Шолохова никогда не бывает улыбки, не зависимой от их внутреннего состояния. Герои романа владеют своей улыбкой, повелевают ею. При необходимости они могут ее снять, приглушить: *«Петро шевельнул уголками губ, гася улыбку»* (I, с. 94), *«Ты*

прежде всего болван, а потом уж самодовольный солдафон», – подумал Бунчук и *загасил улыбку*» (I, с. 357); зажать: «Бунчук говорил как-то недосказанно, с улыбкой, зажатой в твердом углу губ...» (I, с. 308); захоронить, спрятать: «... ответил Меркулов и надежно *захоронил улыбку* в курчавой, цыганской бороде» (I, с. 428), «Григорий прикрыл ладонью рот, чтобы *спрятать улыбку*...» (II, с. 572); затаить: «Казак слушали Баланду, смущенно потупясь, побряхтывая, *тая улыбки*» (I, с. 420); стереть: «Движением губ он *стер улыбку* – огрубел лицом...» (II, с. 21); выжать: «... обозленную *выжал* Григорий *улыбку*» (I, с. 21); подавить: «... Григорий снова *подавил улыбку*» (II, с. 126), «Наталя <...>, *подавляя улыбку*, <...> просила...» (II, с. 468); играть ею: «*играя* маузером и *шалой белозубой улыбкой*» (I, с. 514), понимая ее неуместность или скрывая тем самым чувства, о которых, считали они, не следует знать другим.

Но нередко откровенность проявления чувственных порывов персонажей оказывается сильнее стремления их скрыть, что не может ускользнуть от взора заинтересованного собеседника. Так, похотливые побуждения Листницкого, тщательно маскируемые в разговоре, чутко улавливаются Мелеховым: «Аксинья – красивая баба, – говорил сотник, задумчиво глядя повыше Григорьевых глаз, *блудя улыбкой*» (I, с. 167). Он и потом будет похабничать голосом, глазами, улыбкой: «... глядел на Аксинью *бесстыдным улыбочивым взглядом*» (I, с. 167), реализовав впоследствии свои распутные намерения.

Сама сущность человеческой природы персонажей «Тихого Дона» часто проглядывает в ее визуальной репрезентации. Рисуя образ подхорунжего Дроздова, к которому пришел Мелехов, писатель одним лаконичным сравнением передаст его облик: «Хозяин – мелкорослый, подвижный, *как вьюн*, щелкнул самовар обкуранным, охровым ногтем...» (I, с. 522). У В.И. Даля вьюн – «кто или что вьется, увивается», это «ловкий, расторопный человек; пролаз, льстивый угодник», а вьюны – «изворотливые, ненадежные» люди [Даль, 2000, с. 806]. Неслучайность введенного писателем образа подтвердит и последующее метафорическое выражение: в ответ на прямой вопрос Григория «хозяин *заюлил улыбкой*, резвыми телодвижениями» (I, с. 523). В Дроздове, в отличие от собеседников, нет прямоты и открытости в поведении, очевидно его стремление скрыть свои взгляды, убеждения, поэтому-то и юлит – суетится, вертится перед гостями, всем своим видом желая угодить им.

Одна из характерных особенностей улыбки персонажа у Шолохова – ее подвижность. Совершаемые улыбающимся героем движения являются выражением его намерений, устремлений, даже целой комбинации чувств. Показательно в этом смысле использование Шолоховым словосочетания «*играть улыбкой*». У Лизы Моховой улыбка – средство привлечения к себе мужского внимания. Только за короткий промежуток разговора с Митькой она изменит этот мимический жест несколько раз: спросит, «*тепля затаенную улыбку*» (I, с. 24), продолжит свой вопрос парня, «*играя улыбкой*» (I, с. 24), затем улыбка «*жиганет крапивою*» (I, с. 24), а то девушка отзовется ею «*непонятно и коротко*» (I, с. 110).

Последствия этой *игры* уже были отмечены. «Играет шалой белозубой улыбкой» красногвардеец-матрос, вместе с Чубатым ведущий на расстрел полкового адъютанта (I, с. 514). Есть в его игре и безрассудство, и сумасбродство, ощущение вседозволенности, вызванных революционным беспределом.

Улыбка у шолоховских героев способна, кажется, жить своей «самостоятельной» жизнью. Она может блудить, таиться, сквозить, скользить, убегать и т.п. У деда Сашки – конюха в имении пана Листницкого, вечно улыбавшегося «голубой детской улыбкой» (I, с. 164), в особые минуты пьяного задора «улыбка вытанцовывалась <...> наискось всего лица... <...> Поперечная была улыбка, но приятная» (I, с. 164). Умел он «шельмовато», т. е. плутовато, хитро улыбаться, позволяя себе панибратские отношения с его «превосходительством» и даже откровенно грубые ругательства в его адрес. А улыбка защищала его от разных неприятностей.

О многом в переживаниях героя говорит и такое ее изображение: «... Кошевой повернулся к Ивану Алексеевичу, на полных, девичьих губах его *блуждала потерявшаяся улыбка*» (II, с. 137) Мишка весь в разброде чувств после тяжелого разговора с Григорием Мелеховым: здесь и память о том, что они «корешки», учились вместе, и пустившая вразнос весь его организм бурная реакция на враждебные взгляды бывшего «друзьяка»: «... до того я озлел, ажник сердце распухло, как арбуз в груди сделалось. Трусится все во мне! Кубыть отнимает он у меня что-то, самое жалкое» (II, с.138). Весь этот всплеск эмоций, выбивших героя из привычного состояния, и передает замечание Шолохова о его блуждающей потерявшейся улыбке.

Заключение

Изображение улыбки персонажа в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» является выразительным средством создания художественного образа, способом постижения внутреннего мира человека. Самобытность поэтики писателя в этом случае проявляется в необыкновенном разнообразии используемых им художественных средств в обрисовке индивидуально-психологического состояния персонажа. Метафорические описания улыбок дали ему возможность показать во всей полноте существо происходящих в человеке и с человеком перемен. Шолохов обращается к разным видам этого средства выразительности, что заметно влияет на их семантику. При этом репрезентативной, доминирующей оказывается динамическая форма их представления. Шолоховских героев отличает особая жизненная энергия, чувственное мировосприятие, поэтому писателю так важно передать «высокий эмоциональный накал» [Вежицкая, 2011, с. 331] русского глагола в самых разных смысловых оттенках улыбок персонажей. В романе Шолохова нередко знакомые, казалось бы, словесные выражения и речевые обороты наделяются такими значениями, которыми они не обладают не только у других писателей, но и в языковой практике народа. Шолохов так трансформирует смысл «употребления» улыбки, что вместо привычного появляется не-

обычный, оригинальный образ. Эта разница между привычным и неожиданным вызывает и у читателей особый эмоциональный отклик.

Литература

- Вежбицкая А. (2011). Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур. 568 с.
- Гюго В. (1955) Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9: Трудники моря: роман / пер. А. А. Худановой. М.: Худ. литература. 480 с.
- Даль В.И. (2000). Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А – З / под. ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртене. М.: Терра. 912 с.
- Дарвин Ч. (2001). О выражении эмоций у человека и животных. СПб.: Питер. 384 с.
- Дворяшина Н.А. (2019). Улыбка как выражение душевного состояния героев романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Мир Шолохова. № 2 (12). С. 23 – 35.
- Костин Е.А. (2020). Шолохов: эстетика и мировоззрение. СПб.: Алетей. 514 с.
- Крейдлин Г.В. (2004). Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение. 584 с.
- Максюта К.С. (2015). Улыбка как средство создания психологического портрета казака в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина» // Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Башкирский государственный университет. С. 74 – 79.
- Максюта К.С. (2017). Улыбка как самостоятельный объект внимания наблюдателя в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина» // Вёшенский вестн.: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. «Изучение творчества М.А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы» (Шолоховские чтения – 2017). Ростов н/Д: АО «Книга». С. 216 – 222.
- Мандельштам О.Э. (1987). Слово и культура: статьи. М.: Советский писатель. 320 с.
- Ожегов С.И. (1970). Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия. 900 с.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. (2006). Русское коммуникативное поведение. М.: Флинта, Наука. 238 с.
- Савенкова Л.Б., Максюта К.С. (2015). Изображение улыбки и смеха как средство характеристики Давыдова в романе «Поднятая целина» // Мир Шолохова. № 1. С. 105 – 109.
- Семенова С.Г. (2005). Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию. М.: ИМЛИ РАН. 352 с.
- Сергеева А.В. (2004). Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта, Наука. 328 с.
- Шолохов М.А. (2018) Тихий Дон: науч. издание: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН. Т. 1 (816 с.). Т. 2 (864 с.).
- Экзюпери А. (1973). Планета людей. Кишинев: Картя молдовеняскэ. 560 с.

References

- Dal V. I. (2000). *Interpretive dictionary of the living Great Russian language*: In 4 vols. Vol. 1: A – Z; ed. by prof. I. A. Baudouin de Courtenay. Moscow, Terra. 912 p. (In Russian).

- Darvin Ch. (2001). *On the expression of emotions in humans and animals*. SPb.: Piter. 384 p. (In Russian).
- Dvoryashina N. A. (2019). Smile as an expression of the mental state of the heroes of Sholokhov's novel "The Quiet Don". *The World of Sholokhov*, № 2 (12). P. 23 – 25. (In Russian).
- Exupery A. (1973). *Planet of Humans*. Kishinyov: Kartya moldovenyaske. 560 p. (In Russian).
- Hugo V. Collected works: In 15 vols. Vol. 9. *Workers of the sea*: Novel; trans. by A. A. Hudadova. Moscow, Khud. Literatura. 480 p. (In Russian).
- Kostin E. A. (2020). *Sholokhov: aesthetics and worldview*. SPb.: Aleteya. 514 p. (In Russian).
- Kreidlin G. V. (2004) *Nonverbal semiotics: Body language and natural language*. Moscow, New Literary Review. 584 p. (In Russian).
- Maksyuta K. S. (2015) Smile as a means of creating a psychological portrait of a Cossack in Sholokhov's novel "Podnyataya tselina". *Modern paradigms of linguistic research: methods and approaches. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference*. Ufa: Bashkir State University. P. 74-79. (In Russian).
- Maksyuta K. S. (2017) Smile as an independent object of attention of the observer in Sholokhov's novel "Podnyataya tselina". *Vyoshensky herald. Collection of materials of the international scientific and practical conference «Study of the work of M.A. Sholokhov at the modern stage: problems, concepts, approaches» "Sholokhov readings" – 2017*. Rostov-on-Don: AO «Kniga». P. 216-222. (In Russian).
- Mandelstam O.E. (1987). *Word and Culture. Articles*. Moscow, Soviet Pisatel. 320 p. (In Russian).
- Ozhegov S. I. (1970). *Dictionary of the Russian language*. Moscow, Soviet Encyclopedia. 900 p. (In Russian).
- Prohorov Yu. E., Sternin I. A. (2006). *Russian communicative behavior*. Moscow, Flinta, Nauka. p. 238. (In Russian).
- Savenkova L. B., Maksyuta K. S. (2015). Depiction of smile and laughter as a means of Davidov's characteristics in a novel "Podnyataya tselina". *Sholokhov World*, no. 1, pp. 105-109. (In Russian).
- Semyonova S. G. (2005). *Prose world of Mikhail Sholokhov. From poetics to worldview*. Moscow, IWL RAS. 352 p. (In Russian).
- Sergeeva A. V. (2004). *The Russians: behavioural stereotypes, traditions, mentality*. Moscow, Flinta, Nauka. 328 p. (In Russian).
- Sholokhov M. A. (2018) *The Quiet Don*. Scientific publication in 2 vols. Moscow, IWL RAS. Vol. 1 (816 p.). Vol. 2 (864 p.). (In Russian).
- Vezhbitskaya A. (2011). *Semantic Universals and basic concepts*. Moscow, Languages of slavic cultures. 568 p. (In Russian).

Nina A. Dvoryashina (Surgut, Russian Federation)

Semantic Space of Character's Smile in Sholokhov's Novel "The Quiet Don"

The article is devoted to the study of the role of a smile in creating images of the characters of the novel of M. A. Sholokhov "The Quiet Don", disclosing their psychological state. The study revealed that one of the important and distinctive techniques in characterizing this non-verbal gesture is its metaphorical description. Its analysis allowed the author of the article to

come to the following results: 1) most often Sholokhov uses such varieties of this means of expressiveness as metaphors of light, temperature, movements reflecting not only the mental experiences of the characters, but also essential features of their characters; 2) words similar in semantics in the characteristic of a smile are distinguished by a variety of meanings in the transmission of feelings experienced by characters; 3) writer's style is dominated by the dynamic form of transmitting this portrait detail: smile affects others, lives an «independent» life, physically changes the appearance of its carrier, obeys his strong-willed decisions; 4) it is not only a means of expressing a person's psychological state, but a way of reflecting the interaction of its inner world with the surrounding reality; 5) this mimic gesture is distinguished by Sholokhov's special emotional expressiveness, figurative identity. The results of the study are important for understanding the writer's innovation in artistic knowledge of a person's identity, an in-depth understanding of his creative individuality.

Key words: *Sholokhov, «The Quiet Don», character, mimic gesture, smile, metaphor, emotion, semantics.*

Сведения об авторе / Information about the author

Дворяшина Нина Алексеевна – докт. филол. наук, профессор, главный научный сотрудник, Сургутский государственный педагогический университет, филологический факультет, лаборатория литературоведческих и лингвистических исследований, г. Сургут, Россия. Тел.: + 7-916-130-73-53, e-mail: dvoryashin@bk.ru

Nina A. Dvoryashina – grand Ph.D. of Philology, professor. Surgut State Pedagogical University, Faculty of Philology, Laboratory of Literary and Linguistic Studies; Chief Researcher. Surgut, Russian Federation. + 7 916 130 73 53, e-mail: dvoryashin@bk.ru

Статья поступила в редакцию 12.11.2020, принята к публикации 15.04.2021.
The article was submitted 12.11.2020, accepted for publication 15.04.2021.